

ОТЗВУКИ СОБЫТИЙ

II НАУЧНАЯ ВИДЕОКОНФЕРЕНЦИЯ «ЧЕЛОВЕК КАК СУЩЕСТВО ПРИРОДНОЕ, СОЦИАЛЬНОЕ, ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЕ: “БОЛЕВЫЕ ТОЧКИ” ФИЛОСОФСКОЙ АНТРОПОЛОГИИ».

Москва–Нижний Новгород, 27 сентября 2016 г.

27 сентября 2016 г. прошла II научная видеоконференция, организованная сектором истории антропологических учений Института философии РАН (г. Москва) и кафедрой философии факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород), на которой продолжилось начатое в прошлом году обсуждение острых проблем, стоящих перед современной философской антропологией.

Открыл конференцию профессор **Павел Семёнович Гуревич**, выступивший с докладом «**Конфигурации идеи Сверхчеловека**». Он сосредоточил своё внимание на критическом осмыслении ницшеанской концепции преобразования человека, отметив, что, когда говорят о «сверхчеловеке», то имеют в виду по крайней мере два смысла. В одном случае подразумевается достижение небывалого совершенства человека, реализация огромных возможностей, заложенных в нём. Но укрепляется и иное толкование сюжета о сверхчеловеке. Речь идёт не о превозможении человека, а о появлении такого создания, которое по сути дела уже не является человеком. Это создание произошло от человека в том смысле, что утратило присущую ему идентичность. Здесь уместнее говорить о постчеловеке, о творении новых технологий, которые разрывают связь с «человеческим».

Павел Семёнович показал, что в современном гуманитарном сознании огромную популярность приобрела проблема трансформации человека в сверхчеловека, в киборга, кибернавта, постчеловека. Идея преобразования человека, «переделки» его в более совершенное существо родилась в мистической духовной традиции и постоянно присутствовала в истории философии. Однако наибольшую популярность она получила после того, как Ф. Ницше провозгласил появление сверхчеловека.

Русская философия дважды пережила ренессанс ницшевской идеи сверхчеловека. В Серебряный век её стремились осмыслить Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, Д.С. Мережковский, Вяч. Иванов и др. В наши дни можно фиксировать повторный ренессанс идеи сверхчеловека. Многие исследователи оценивают идею Ницше исключительно положительно, пытаются проанализировать её в разных аспектах. Это относится едва ли не ко всем мыслителям постмодернизма, а также к российским философам – Д.А. Беляеву, В.И. Самохваловой и др. Кроме того, концепция сверхчеловека получила масштабную поддержку со стороны современных трансгуманистов. Идея переплавки человека начинает приобретать характер социоинженерного проекта. Именно в данной сфере философско-антропологической рефлексии обнаруживается самый разносторонний и интенсивный интерес со стороны мыслящего человеческого сообщества. Вместе с тем опасность этого проекта становится очевидной. По мнению докладчика, главная угроза связана с крайне слабой философской рефлексией по этому поводу. Упоение достижениями науки рождает твёрдое мнение, что сверхчеловек или постчеловек – это неотвратимая судьба нынешнего человека. Но сегодня даже самые убеждённые сторонники этой идеи с тревогой говорят о возможном катастрофическом завершении такого проекта.

Тему **сентиментализма как традиции философского постижения человека** представила д. филос. н. **Эльвира Маратовна Спирова**. Она сосредоточила внимание на неожиданном повороте от рационалистической рассудочности к особой чувствительности. Культ рассудочности в Европе постепенно укреплялся и стал беспредельным в эпоху Просвещения. Установка на разум, естественно, привела к дискредитации чувств, в которых будто бы таятся разрушительные опасности. На протяжении ряда веков чувства считались помехой для всепроникающего познания. Однако твёрдое философское убеждение в том, что разум составляет главное достоинство человека, неожиданно натолкнулось на пучину самых разнообразных человеческих страстей, которые никак не совмещались с общепринятой версией человеческой природы. Стремление репрессировать любые состояния души породило мощный всплеск протеста, нашедшего своё выражение в особом художественном направлении – сентиментализме, который доминирующей чертой человеческой природы признаёт чувство, а не разум. К основным идеям сентиментального восприятия бытия можно отнести глубокое погружение в эмоциональный мир человека, трепетное отношение к чувствам в их неизбежной органике, эмоциональную отзывчивость, ведь именно в человеческих страстях раскрывается всё истинно человеческое.

Продолжил обсуждение д. филос. н. **Алексей Николаевич Фатенков**, выступивший с докладом **«Природа и экзистенция в диалектическом соблазне обуздать социальное»**. Отталкиваясь от радикального императива Ф. Ницше об устранении из жизни вообще «идиосинкразии

общественности», переводя данное требование в более реалистичный формат, Алексей Николаевич выдвинул и защитил тезис об антропологически целесообразном ограничении избыточной социальности, которая не усваивается экзистенцией человека, излишня для неё и имеет склонность к вырождению в техническое. Речь идёт об угрозах для индивида со стороны «большого общества» и об иллюзорности противодействия им отдельно взятым человеческим существом, находящимся вне малой социальной группы, обособленным от близких ему людей, вне связи хотя бы с одним только по-настоящему дорогим ему человеком. В сопротивлении избыточному социальному и опасностям технизации жизни реальную помощь экзистенции способна оказать природная компонента человеческой сущности. А.Н. Фатенков, изначально понимающий человека существом триединым, природно-социально-экзистенциальным, рассматривал становление этой структурной формулы в контексте истории развития философской мысли. Особая роль отводится тут диалектической традиции с её подвижными триадическими моделями, непредзаданностью их окончательных комбинаций и нередуцированным (к сущему или должному) человеческим желанным.

Автор доклада **«Рессентимент как модус человеческого бытия»** аспирант Института философии РАН **Инна Олеговна Чугунова** исходила из убеждённости, что понимание человеческой природы остаётся глубоко невосполненным без изучения её порочных, «теневых» сторон. В рамках подобного анализа особую ценность приобретает ницшеанская категория рессентимента. Это понятие является масштабным, способным интегрально, гештальтно описывать природу человека, в его онтологической целостности. Концепция рессентимента позволяет различить модусы бытия человека в их привязке к культурно-историческому контексту, ценностному этосу. В данной системе координат особенно острой представляется проблема антропологического декаданса, выраженного в добровольном духовном рабстве массового человека, его отказе от высших свершений и проявления созидательной воли, в его пассивном консерватизме и деструктивных тенденциях. Скрытая природа рессентимента и в то же время его всеохватность диктуют повышенные требования к философско-антропологической рефлексии данного феномена, выработке альтернативной модели человеческого становления. Одним из путеводных ориентиров здесь является ницшеанский образ Сверхчеловека – абстрактный вектор самораскрытия человека. Эта идея сегодня вновь актуальна и требует дальнейшей философской проработки и конкретизации.

Следующим прозвучал доклад д. филос. н. **Владимира Александровича Кутырёва «Прогрессивно(е), глупое, несчастное человечество»**. По его мнению, мыслить – это 1) знать, «как» сделать и 2) предвидеть последствия сделанного. Современные люди ослеплены знанием новых технологий и боятся видеть их опасный характер. В сообще-

нии обсуждались болевые точки прогресса. Развитие компьютерной техники к 2045 г. приведёт к превращению земной цивилизации в один Большой компьютер. Люди станут его элементами. Но это практически никого не беспокоит. Мы готовы потерять свою самость без попыток что-то изменить. Созываются конференции по проблемам сексуального общения людей с роботами. Ни протестов, ни скандала эти так называемые интимные технологии, т. е. техноложество как «новая европейская ценность», не вызывают. Нарастает крик о необходимости скорейшего перехода к «шестому технологическому укладу». Его суть в автоматизации любой деятельности и, значит, превращении людей в паразитов. О такой перспективе никаких мыслей у энтузиастов чего-угодно-лишь-бы-нового – нет. В июле 2016 г. над Адронным Коллайдером появились пунцовые облака и вихри. Вместо остановки экспериментов общество удовлетворилось объяснениями, что всё произошло «не из-за инопланетян», а оттого, что учёные соединяли элементарные частицы. Журналисты справедливо назвали это началом «конца света», но как бы шутя. Возможность непредсказуемого результата взаимодействия частиц признают сами физики, однако, считая его маловероятным, игру с Вселенной в русскую рулетку продолжают. В гуманитаристике идёт кампания диффамации человека, распространяется идеология его геноцида – отпора ей, кроме одиноких возражающих голосов (П.С. Гуревич, В.А. Кутырёв), не слышно. И т. д. до точки погружения в Универсум Абсолютного Техноса. С-ума-сшедшая цивилизация обслуживает техногенное развитие, не пытаясь соотнести его с собственной судьбой. Люди ещё мыслят, но уже не в своём уме. Мы в процессе экзистенции и не будем знать, когда нас не будет. *Нужно (бы) Движение Сопротивления.*

В докладе аспиранта Института философии РАН **Василия Романовича Чоланюка** «**“Живая метафора” в наследии П. Рикёра**» была проанализирована работа Рикёра «Живая метафора» (1975) (или «Господство метафоры» (в англоязычной версии – 1977)), состоящая из восьми исследований, характеризующих поступательное рассмотрение метафорической проблематики французским философом от слова по направлению к предложению и далее дискурсу. Показано, что для философской антропологии эта книга является значимой тем, что Рикёр не только постулирует собственную теорию метафоры, но и занимается основательным объяснением и критикой её антропологических представлений и в других теориях, будучи энциклопедистом в освещении темы. Докладчик говорил о том, что, согласно П. Рикёру, метафора работает не на уровне отдельных слов, как можно увидеть у Аристотеля или Фонтанье, а на уровне предложения, которое также иногда имеет место и в философском дискурсе. По мнению В.Р. Чоланюка, философия Рикёра является антропологией «живой метафоры» потому, что она – создание новых метафор, которое не только претво-

ряет поэтику философского языка, но которое облагораживает человеческое бытие, давая возможность людям, способным к общению и пониманию, осуществлять социокультурную деятельность в интерпретативной манере.

Ассистент кафедры философии ННГУ им. Н.И. Лобачевского **Валерий Владимирович Беляров** в своём докладе связал **феномен прогресса и символику смерти**. Он показал, что, цепляясь за науку как флагман прогресса, мы не столько меняем одни смыслы на другие, сколько пытаемся предотвратить рождение новых смыслов. Наука остаётся у пафоса прогресса на послылках. Этот пафос в стремлении к лучшему, но действительность прогресса – погоня. Природа назначает животному отсутствие избытка, отсутствие символа смерти. Под видом улучшения людям давно навязывается то же самое, но в форме возможной пилюли от смерти. В том, что человек жив, в том, что мы рождены, сохраняется привкус случайности. Зачатье могло быть искусственно регламентировано, но до поры оставалось нерегулируемым процессом. Сейчас регламент проникает в самую суть порока на кончике нанотехнологий. Привкус случайности, породивший и смысл порока, и смысл непорочного, из зачатия устраняется. Отсюда больше не приходится ждать смыслов. Только до смерти прогресс никак не дотягивается. Символ смерти ещё бьётся за нас в этой тяжбе между стремлением жить только насущным и стремлением жить только смыслом.

Дмитрий Вячеславович Бойко, аспирант Государственного академического университета гуманитарных наук, выступил с докладом **«Трепет как антропологический феномен»**. Он показал, что прикосновение к миру трансценденции порождает чувство душевного трепета. Но чтобы войти в этот мир, требуется сознательно искать страх и чувство трепета. Чтобы испытать на себе всю безграничность трансцендентного начала мира, нужно уметь испытывать трепет, как страх определённого рода. Страх может выступать как очарованность. В своих наиболее полных, глубинных, экзистенциальных проявлениях страх неизбежен, от его обнаружений не скрыться, скорее наоборот, человек одновременно бежит от страха и ищет его, требует его присутствия. Но следует отличать влечение к смерти как инстинкт саморазрушения, который мы сегодня наблюдаем в трансгуманизме, от особой способности испытывать трепет перед священным началом мира.

Ассистент кафедры философии ННГУ, к. филос. н. **Артём Маркович Фейгельман** выступил с докладом **«“Культура – это мусор”? Мир человека между тотальной критикой и фетишизмом»**, в котором заметил, что в современной публичной сфере слово «культура» принято произносить с придыханием. Однако такой поверхностный разговор о культуре как сверхценности сглаживает противоречия, которые растут внутри неё. Культура является угрозой для самой себя – так же, как создавший её человек, она то и дело сбивается на путь автодеструкции.

«Культура – это мусор», – провозгласил Т. Адорно, для которого Вторая мировая война и Холокост стали доказательством патологии, корнящейся в самом сердце мира, созданного человеком. Однако отказ от культуры грозит скатыванием в варварство. Надежду на исцеление культуры Адорно связывает с аутентичным искусством авангарда, способным критически преодолевать и врачевать социокультурные противоречия. В то же время связь некоторых авангардных практик с тоталитарными режимами (фашистская Италия, большевистская Россия) заставляет критически взглянуть на способность передового искусства смирять насильственные тенденции внутри культуры. Всё это ставит вопрос о негативности, лежащей в основе человеческого существования, которая, с одной стороны, связана со стремлением к истине и развитию, становлению Другим, а с другой – со стремлением к разрушению и (авто)деструкции.

В докладе **«Властолюбие как человеческая страсть»** аспирант ГА-УГН **Екатерина Александровна Рахмановская** показала, что жажда власти – одна из сильнейших человеческих страстей, корнящаяся в самых глубинах человеческой души, которая сама становится ареной сражения за власть, территорией, где борются инстинкты и комплексы, противостоят совесть и вожеления, боль и удовольствие, бунтует дух, стремящийся освободиться от предрассудков и навязанной морали. Властолюбие многолико, оно обнаруживает сложную драматургию самых разнообразных чувств, эмоций и состояний, среди которых захваченность и опьянение властью, ощущение могущества и наполненности жизнью, жажда деятельности и поиск смысла, желание преодолеть себя и стремление познать человеческую природу и её пределы. Приводятся примеры из классических произведений художественной литературы, показывающие многомерность внутренних конфликтов тех, кто подчас облечён неограниченной властью и не имеет оснований испытывать страх её потерять.

К. филос. н. **Дмитрий Юрьевич Шаталов-Давыдов** выступил с докладом **«Факт и событие в структуре исторического времени»**. Со ссылкой на Л. Витгенштейна, Д.Ю. Шаталов-Давыдов рассматривает историческое время как состоящее из простейших элементов – фактов, располагающихся в определённой линейной последовательности. Совокупность некоторых фактов даёт событие. А. Уайтхед соотносит понятие события с «пространственно-временным происшествием», М. Хайдеггер – с взаимным сосуществованием и взаимным исчезновением времени и бытия. В интерпретации А. Бадью и Ж. Деррида событие оказывается моментом разрыва в естественном движении истории. Оно образует из разнородных фактов некоторую тотальность, отличную от обыденности. За моментом разрыва мы обнаруживаем след – означающее, отсылающее к другому означающему, которое не имеет собственного значения и не может быть включено ни в факт, ни в событие.

Осмысление структуры исторического времени посредством прослеживания генеалогии «факт – событие – след» и составляет содержание настоящего сообщения.

В докладе «**Игра в философско-антропологическом ракурсе**» **Трифона Александровича Суетина**, аспиранта ГАУГН, особое внимание было уделено тому, что игра сопровождает человека всю жизнь, в каждой культуре, в каждой эпохе. Будучи вовлечённым в наш мир, выброшенным без своей воли, согласия, принуждённым жить в собственной нецелостности и разобщённости, отягощённым временем, полом, эпохой, разрываемым страстями – человек находит упоение в игровом, иррациональном, вымышленном мире. Человек бросается в мир игры неистово, с наслаждением, находя в нём не столько свободу, сколько освобождение от обыденности, давящей рациональности. Автор обращает особое внимание на проблему игры в современном мире. Технические возможности позволяют играть больше, разнообразнее. Вместе с тем игра всё чаще сливается с обыденностью, теряет свою самобытность, выходит за рамки самой себя. С такого ракурса человек наших дней довольствуется красочной формой игры, но теряет её созидательное для себя содержание. С утратой содержания праздность, которая скрашивает человеческую повседневность, ограничивается рамками формы игры.

В докладе аспиранта ГАУГН **Анелии Рафисовны Алтафовой** «**Деструктивность человека в контексте антропологического кризиса**» была рассмотрена тема человеческой разрушительности как в исторической ретроспективе, так и в современном понимании. Акцент был сделан на актуальном подходе, рассматривающем разрушение не как «безусловное зло», от которого необходимо избавить человечество, а как необходимую часть созидания. В философии постмодернизма демаркационной линией между «жизнью» и «смертью» человека становится его самораскрытие, становление, которое возможно посредством преодоления – разрушения – всех навязанных ограничений. Сущность становления коррелируется с понятием **трангрессии** как преодоления линейности, рациональности, морально-нравственных оценок, препятствующих самораскрытию. Такой подход заметно смещает акцент в дефиниции понятия деструктивности: с определения через наличие энергии уничтожения на толкование через отсутствие энергии созидания. Таким образом, сущность феномена человеческой разрушительности интерпретируется через отсутствие экзистенциальной озабоченности своим собственным существованием, уклонение от вопрошающего характера бытия, отступление от своего желания.

Таким образом, в ходе обсуждения докладов выявились новые тенденции философско-антропологического мышления. Несомненной новизной обладают многие идеи участников конференции. В частности, доказательным является утверждение проф. А.Н. Фатенкова об избы-

точности социальности, которая врывается в мир экзистенции и во многом разрушает её. Это в свою очередь приводит к кризису социальности, который анализируют многие современные философии, усматривая в распаде социальности угрозу существования человечества. Назрела потребность в критическом анализе ницшеанской концепции сверхчеловека. Эта идея пользовалась огромной популярностью в дореволюционной России. Однако до сих пор нет критического анализа самой этой идеи, которая поражает алогичностью и деструктивностью. В современном сознании она поддерживает практику социального расслоения, деления человечества на обладателей богатства и власти и обездоленных. Вновь доказательно прозвучала тревога проф. В.А. Кутырёва о наступлении техники на внутреннюю основу жизни, об угрозе уничтожения человека под видом его цивилизационного обслуживания. О многоликом властолюбии, ставшем необоримой страстью человека, говорилось в разных аспектах. Получила раскрытие тема разрушения как грозной опасности. Подвергся критическому разбору так называемый феномен посткультуры, направленный против величайшего достижения человечества. В докладах рассматривались также и житейски конкретные обстоятельства жизни. Отстаивался тезис о том, что игра является универсальным феноменом культуры, который вовсе не противоречит идее серьёзного. Намечены темы, которые требуют дальнейшей разработки и углубления философско-антропологической рефлексии.